

72581
2

14851-5102-5
18581
2

Абхазоведение и абхазы.

(К вопросу о происхождении абхазов и этногонии восточной Европы).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Топ делает музыку. Музыка это ритм и звуки. Ритм и колебание, звуки оно или линии, это двигатели общественности как исторической, так до-исторической, двигатели сами создаваемые работой над материалом, основой хозяйственно-общественной жизни. Ритм и звуки это техника и материальная природа создания до-исторической общественности, звуковой человеческой речи. Революция сбивает и ритм, и звуки и линии общественности.

Старый ритм, не говоря о линиях и звуках, — живой труп, или пережиточный предмет, отнюдь не отмирающий бесследно, даже тогда, когда он до-исторический, как не бесследно исчез у человека хвост. Месопотамское племенное название «шумер» представляет, если бы не углубляться сразу до дна, основу шуми и окончание множ. числа -ег, на самом деле это анахронистическое восприятие в путях позднейше установившейся структуры языка и на ней обоснованного учения о формах, в действительности в термине шумег, которому значительно более чем полдесять тысячелетий, составное слово (шумег) и шум его усеченная основа, как и более цельный в отношении начального согласного (ш \nearrow šq || šq) пережиточно сохранившийся вид šqum, в котором до-исторический еще нерасчлененный сложный звук, эквивалент начального согласного «ш», представлен полной груп-

пой ᠑᠒ (чх), и вот этот пережиточный вид основы, однако усеченной (᠑᠒um вм. $\text{᠑᠒umeg} || \text{᠑᠒umar}$), дожил не только до эпох исторических самостоятельно (он, между прочим, пазвание города Сухум, архетип самого слова «Сухум»)¹, но с до-историческим образованием, казалось бы, мн. ч. при помощи префикса le- , именно le-᠑᠒um , являясь, как выходило при таком толковании, племенным названием, терминологически равнозначущим шиш-er'у , сохранился в качестве названия пыне грузинской области, некогда населенной, мы имеем основание думать и заключать, «чхум» ами или «шум» ами. Однако как название месопотамского народа оказалось вовсе не флективно возникшей формой, а составным двухплеменным термином ши-тег , так и кавказский le-᠑᠒u + m — скрещенное, уже трехплеменное, именно «рас + шу + мерское». Исторические шумеры из жизни и быта исчезли вместе с именем бесследно, а до-исторические их тезки сохранились этнографически до наших дней, конечно, не в первой трансформации; сохранился в живом быту сравнительно нетронуто и до-исторический вид их названия — тругубо скрещенный « le + чху + m », собственно, следовательно, «рас-шу-меры».

У Крыма с северо-восточным Черноморьем также свой до-исторический ритм и звуки, пережиточно поддерживаемые в их полноте до наших дней речью и современного яфетического населения соответственного района.

Как во всех яфетических районах, так и здесь, есть тройное колебание гласного $\text{a} || \text{o} || \text{e}$, смотря по племени, если пользоваться древними местными племенными названиями — сарматское (а), скифское (skw᠑ 'ское, собственно ску + та 'йское) или сколотское (о), кимерское или иберское (е). Огласовка «е» несколько не моложе огласовки «а» или «о». Ныне она поддерживается в указанном

¹ Н. Марр, Сухум и Туапсе (кимерский и скифский вклады в топонимику Черноморского побережья), ИРАИМК. IV, стр. 299—310.

районе черкесской речью. У черкесов Кабар-da, т. е. готовая уже форма племенного названия Кабар-с суффиксом мн. числа -da (← -dan → -дан → да, ср. -да в Σκῦ-δα), звучит Кебер-, как Teber-da там же, а в Абхазии Tebel-da в своих основах Teber-, Tebel- представляют сибилантные двойники того же черкесского Кебер. Древность огласовки «е» подчеркивается и архетипом названия самих черкесов, именно kerket'ами.

Само название абхазов, позднейшее искажение правильной формы «абаск», собственно ее основу bas, здесь не могли природно произносить иначе, еще в древности, как с киммерским экavianem -bes, откуда с префиксом o- — хорошо известное из русской истории племенное название «обезы», форма гибридная по огласовке, именно скифо-киммерская, так как на этом понтийском севере, конечно, не мегрелы или чаны, т. е. не колхи с юга, могли скреститься своим окающим суффиксом с черкесским экavianem основы и завещать средневековому русско-севернокавказскому населению, так в частности тмутараканскому государственному образованию, а могли это сделать скифы с кимерами. А. А. Спидын даже предполагал, что в Тмутаракани русский князь мог опираться лишь на свою дружину, так как не имел, мол, поддержки в местном населении, обезах, с которыми русские ничем не были связаны, как то обычно предполагается.

С до-историческим экavianem, следовательно, гражданское равноправие получает в древности Керчь рядом с Кор-чев || Кор-чем. Это, конечно, не значит, что основы kor || kog || ker в какой-либо мере первичные, это спирантизованные виды сибилантных разновидностей, так kog — спирантизованный skor → skur, в до-историческом пережиточном произношении у яфетидов tkur (tkur), и вот этот сравнительно более древний вид паличен в основе названия того же города Scur + u-ев и в составе известного древнему миру города в Абхазии Dio-skur-ia-s, в основе населенного

пункта там же, в Абхазии l-skur-ia¹, Skur-ḡa², равно в основе названия местечка A-tkur-i на Кура в Грузии и т. п. Skur, как нарицательное имя, значит 'поселенный пункт', 'селение' или 'город', 'страна', подобно его спирантизованному виду kur, в шумерском сохранившемся со значением 'страны'. Сейчас я не обращаюсь к палеонтологии речи, чтобы оправдать и все другие значения шумерского слова, восходящего к племенному названию и его семантическим дериватам ['небо' →] 'гора' и т. п. Значение 'страны', 'поселенного пункта', 'селения' или 'города', устанавливаемое за skur для его разновидности kur, имеет существенное значение не для яфетического лишь юга. В полной яфетическими переживаниями Армении это самое kur с природной для обеих ее языков трансформацией звучит — gul, resp. guḡ (→ др.-л. giwḡ) 'селение', а еще южнее у сирийцев kur + y-aḏ 'селение', 'город' (oppidum), одинаково дериваты все того же яфетического термина. На севере, по всей видимости, это яфетическое переживание, мы имеем в русской речи Слова о Полку Игореве, в стихах: «Всеслав князь . . . сам в ночь вълком рыскашеть, из Кіева дорыскашеть до Кур Тмутараканя», т. е. до селений или град Тмутараканя³.

Наличие одних и тех же названий на северо-восточном побережье Понта не ограничивается повторением тмутараканских терминов в одной Абхазии: они заходит на самый юг. Так окающая форма туда занесена с мегрело-чавами, пережитками

¹ Du Bois, I, стр. 316: Rottiers (Itinéraire etc., стр. 23) в 1817 г. на развалинах Диоскурии находит жалкое селение Искурию.

² Ц. с.: Paul Guibal в 1831 г. в своих заметках об Абхазии называет Искурию Скурчею (Courcier de la nouvelle Russie, № 103).

³ Такое по существу толкование давали комментаторы Слова, как Эрдман (Следы азиатизма в Слове о Полку Игореве, ЖМНП, 1842, № 10, стр. 20—21), но предполагали использование арабского слова! Снегирев также сблизил со словом «курень» 'селение', см. Барсов, Слово о полку Игореве как художественный памятник, т. III, стр. 417, и В. Д. Смирнов, «Что такое Тмутаракань», ВВ, XXIII, стр. 54—58.

скифов или колхов, как, напр., в бассейне Чороха Kog-id, в груз. форме Kog + id-eđ, в пра-форме *Kog-ud (с тем же суффиксом, что Artan-ud на самом Чорохе), буквально повторяющей название Керчи, по Вестбергу¹, за хазарское время в IX веке, в греческом произношении Kog-wđ (Kóp + υζ-ος). Я не останавливаюсь на акающей форме kag той же основы, широко использованной и на севере (Приволжье, Финны) и на юге (Кавказ, Сирья, Африка и т. д.), как название то 'города', то 'села', в зависимости от положения карского, resp. салского или талского племени в социальной структуре данного района². Наконец, интересна и акающая разновидность ker, наличная в названии в форме арханского удвоения Ker-ket (отсюда «черкес»). Равно Керчь (← *Kerđem)³.

С другой стороны, Корчев || Корчем своим суффиксом мн. числа -đem нас повлек бы теперь на далекий север к чувашам, вместе с болгарам и хазарам органически, а некогда и топографически близким к Тмутаракани: у Чувашии особенно существенные для нее топонимические связи и с Керчью и с Карачаем-балкарами, вообще со всей Тмутараканью и Кавказом, но чуваша, ведь, не благородные далекие от нас шумеры, исчезнувшие с лица земли много тысяч лет тому назад, чтобы они могли числиться в кругу благопритствуемых в мировых научных кругах предметов изучения или обучения, это загнанный, до последнего времени культурно преследовавшийся, у нас под боком обретающийся живой народ, едва-едва заслуживший пока внимание про-

¹ К анализу восточных источников о восточной Европе (ЖМНП, 1908, март, стр. 21).

² Н. Марр, "Olviz и Alba Longa (ИАН, 1925, №№ 15—16, стр. 663—672), его же, печатающееся соч. Чувашии-яфетиды (Из переживаний до-исторического населения Европы в русской речи и топонимике). Чувашиздательство Чебоксары.

³ См. выше, стр. 125, едва-ли от *Kerđem, resp. Kerket, как предполагаюсь или раньше.

вициальных ученых, ученых краеведов. Не естественно-ли, что и весь доклад мой, посвященный таким же мировую науку мало интересующим краеведческим вопросам с краеведческим подходом, и был то прочитан на краеведческом съезде в Сухуме, и потому заранее приношу извинение за его непривычную в высоких научных кругах свободную, может быть и шокирующую тонкий вкус и хороший научный тон, трактовку темы¹.

¹ Предисловие при втором чтении доклада, что имело место на публичном ученом собрании РАИМК.

Настоящий доклад мой читал в Абхазии на краеведческом съезде¹. Членам первого съезда Дейтелей Краеведения Черноморского Побережья и Западного Кавказа в городе Сухуме не могла бы быть безразлична сама тема «Абхазоведение и абхазы». Уклон трактовки, естественно, краеведческий.

Не только в мире, изучаемом естествоиспытателями, растительный он или животный, играет значительную роль ландшафт. Распространение известных видов не одной флоры и фауны связано с пределами определенного ландшафта. Существуют также племенные ландшафты, на которые и делится вся территория, занимаемая человечеством. На связи населяющего племени с определенной территорией и основана попытка моя ввести в этнографическую науку термин «гео-этническая единица». Палеонтологическое разъяснение названий населенных пунктов, морей и озер, рек и гор, т. е. всей топонимики, поскольку она пережиточная, архаическая, установила, что племена до-исторического населения всей Афревразии были рассеяны, одни и те же по всему обширному району средиземноморского окружения и прилегающим к нему районам трех названных старых частей света — Африки, Европы, Азии. Везде одна и та же группа племен, яфетических племен, ложится в основу общественной жизни данного

¹ 1924 г.

района, в основу происходящего в каждом таком районе процесса нарастания нового этнического типа, образования новых видов племен и народов, все под теми или иными старыми тождественными названиями или их разновидностями. Возникает сомнение в полезности исканий особых центров зарождения, когда везде происходило одно и то же. Поскольку речь касается вопроса о каком либо общем первоначальном источнике, это так и есть. Мы считаем бесполезным и ненужным, вообще не реальным, производить, например, иберов вообще с востока на запад, или с запада на восток, или в обе эти стороны с юга из Африки (есть, ведь, и такое исследовательское устремление). Но совсем другое дело, когда обсуждается население определенной гео-этнической единицы, определенного ландшафта. Тут перед нами конкретные явления, исторические факты и тогда, когда не хватает или вовсе нет исторических данных, и мы основываем свои выводы на языковой палеонтологии и других этнологических фактах. Здесь считаемся с переселением и вносимыми им конкретными изменениями содержания гео-этнических районов племенных ландшафтов. Племенной ландшафт — единица исследования для каждого специалиста по истории человеческой культуры. Большую неурядицу составляет, когда естественный племенной ландшафт нарушают отвлеченным административным делением. Не всегда легко, однако, определить естественный племенной ландшафт, непрерывно нарушающийся всякого порядка насильственными или искусственными мерами и разъяснениями, не только административными, но общественными и в связи с ними также научными. Основная задача исследователя человеческой культуры — определять этнический ландшафт данного национального образования в его простоте или сложности, в первую очередь наличный ландшафт, затем и предшествующие его пределы и очертания вплоть до первоначальных пределов и очертаний, т. е. вплоть до

пра-ландшафта, вместилища определенного этнического образования на соответствующей ступени его развития.

Абхазия в этом смысле еще непочатое поле для исследователя.

Абхазоведение пока собственно и не начинало организовано вестись, да оно и не могло бы быть вообще организовано, так как не организовано краеведение, а абхазоведение есть часть краеведения.

А что такое краеведение, поскольку мы интересуемся человеческой культурой, на этом здесь мы не будем останавливаться, разве в мере выявления нашего отношения к нему.

Мощный поток краеведческого интереса это самое жизненное в настоящий момент явление в научно-организационной жизни России и громадного большинства союзных республик. Тому свидетели непрерывно следующие один за другим краеведческие съезды. О важности краеведения никто не спорит, но понимание сущности краеведения далеко не тождественно у всех его ценителей. Краеведение для нас не простое приращение наших знаний и не особая какая-либо область знания, а особый метод. Метод этот органически связан с новой нашей общественностью. В краеведении основной залог спасения наших центральных научных организаций, которым иначе угрожает внутри косность и омертвление, а внешне отмирание от всей живой, движущейся вперед современной, метущейся, и все-таки творческой общественности.

О краеведении нам приходилось высказаться в линии подобных мыслей¹, могущих при ориентации стживших мировоззрений показаться парадоксальными. О нем придется высказаться в других местах. Одно то, что у науки в центре прервалась нормальная связь с зарубежными центрами, должно бы было толкнуть

¹ Н. Марр, Краеведческая работа (Научный Работник, кн. 1, стр. 10—18. Москва 1926); его же Краеведение (изд. Ассоц. Горск. Краеведч. Организ. Сев. Кавказа, Ленинград 1925).

на хотя бы запоздалое признание в краеведении якоря спасения. Мы не замечаем, что мы гибнем, несмотря на богатство нашего содержания и жизненной энергии, — гибнем как организации, по несоответствию их требованиям, бесплодным, неумолимым требованиям жизни. По краеведению должна перестроиться и вся наша школа.

Во всяком случае факт тот, что к предмету нашего доклада, об этом не может быть двух мнений, академическая наука проявляла паразитическую косность. Как научное кавказоведение, до последнего времени сводившееся к арменистике и грузинологии, могло относиться к абхазскому краеведческому делу, это также достаточно выражено, думаю, в заметке моей «Кавказоведение и абхазский язык», появившейся почти 10 лет тому назад¹.

Однако, работ по абхазоведению имеем не мало. Разряд Российской Академии Истории Материальной Культуры «Кавказ и Яфетический мир» и Яфетический Институт Российской Академии Наук уже предприняли в объединении коллективную работу «Библиографию абхазской литературы по общественным наукам». Поспевшая к Съезду часть охватывает русские работы, однако, и этого достаточно, чтобы убедиться в количественной отнюдь не бедности этой литературы. Кстати, предприятие наше не ограничивается простой сводкой печатных данных по данному библиографическому вопросу, а проверяет их по самим книгам, пальчатым в богатых наших книжных собраниях в Ленинграде, со внесением во многих случаях суммарно содержания или указания затрагиваемых в книге интересных для абхазоведа вопросов или предметов².

Одно обстоятельство мы можем отметить и утверждать сей-

¹ ЖМНП, 1916, № 5, стр. 1—27.

² Дальнейшее ведение этой работы, по видимому, потребует привлечения работников и Публичной Библиотеки.

час же. Самы абхазы или краеведы, опирающиеся на показания абхазов, вот кто главные работники; судя по этой библиографии, им принадлежат и качественно лучшие абхазоведные материальные работы.

У абхазов вопрос об абхазоведении не отвлеченно-научный, но и не отвлеченно-общественный вопрос. Без абхазоведения в самом даже узком, примитивном смысле этого термина, именно без науки об абхазском народе, следовательно, в первую голову об абхазском языке, и без использования ее в практически необходимых делах, не может быть речи ни о просвещении абхазских масс, ни даже о возможности правильно и плодотворно построить хотя бы начальную национальную школу.

Фактически гуманитарное абхазоведение, в краеведческих путях организованное, началось было в тот момент, когда возникший в центре отвлеченный научный и природный на месте краеведческий национальный интерес скрестились именно в Абхазии, и сразу стали накапливаться материалы, абхазские тексты, сказки, фольклор, этнографические наблюдения, начинавшие стягивать вокруг себя кружок любителей-абхазов, и дали толчок к теоретическому освещению ряда общих и абхазских местных научных вопросов, при чем результаты и по той и по другой стороне общего исследовательского дела пробивали себе пути в общественно-научный обиход, печатались в сериях Российской Академии Наук. Организационно намечалось образование Взыбского абхазского научного кружка в объединении с Академией Наук через мои работы персонально: Яфетического Института еще не было. Но разруха, последовавшая за войной, и гражданская война не дали прочно сложиться наладившемуся было делу.

Конечно, на месте среди абхазов, на которых лежит в первую голову долг упрочить общественно гражданские права абхазоведения, интерес к родной краеведческой отрасли знания,

давно пробужденный, не замирал. Интерес возбуждали на месте различные стимулы: официальный вероисповедный стимул, абхазами использованный для изучения родного языка (Патейпа и др.), национально-педагогический (Гулия, Чочуа и др.) и этнокультурный с географическим (Джанашия, Мачавариани). Прямо таки по обиллю материалов и большей их доступности, абхазоведение на месте сразу ориентировалось больше на этническую, чем на историческую культуру.

К этнической культуре относятся в громадном большинстве как лучше, представленные самими абхазами, материалы, так занимавшие их вопросы, в числе их основной — о происхождении абхазов. Этот вопрос и сейчас не только важнейший по особым основаниям, когда речь об абхазах: он первоочередной и в центрах теоретической работы. Каков бы ни был источник, определенное его решение внушалось самим абхазским общественным мышлением. Еще в первую четверть XIX века европейцы знали, что идея о родстве абхазов с египтянами была популярна в Абхазии, и ее абхазы поддерживали доступными им научными доводами¹.

Эта идея не покидала краеведов абхазов. Ей мы обязаны работой П. Чарая². Ею воодушевлен в наше время уважаемый наш коллега Д. Иос. Гулия³.

Мысль сама по себе не является отнюдь преральной, необходимо лишь уточнение пределов и возможностей этого вопроса, уяснение себе сложных племенных взаимоотношений яфетиче-

¹ Берже, Краткий очерк горских племен и народов, ОГП, Кавказский Календарь, стр. 272: «Абхазцы сами себя называют Абсне и на этом основании, уверяет Эйхвальд (I. 311), считают себя потомками древних египтян и абесинян, между тем как по догадкам других ученых они происходят от армян».

² П. Чарая, Об отношении абхазского языка к яфетическим (МЛЯ, IV).

³ За это время Д. И. Гулия успел напечатать свой труд, докладывавшийся автором на съезде, где он вызвал горячий обмен мнений. Труд издан Наркомпросом С. С. Р. Абхазии: Д. Гулия, лектор абхазского языка Тифлисского Государственного Университета. История Абхазии, т. I. Тифлис 1925.

ских народов, с учетом которых вопрос должен получить то или иное решение.

Яфетическое языкознание, медлившее его освещением, в заботах об укреплении предварительно своей материальной базы по абхазскому языку, теперь вынуждено им заняться под давлением накаплиющихся теоретических положений, требующих некоторой ориентированности в действительном положении дела. Так-то теоретически родство египетского с абхазским может не подлежать сомнению, поскольку абхазский язык — яфетический, а яфетические языки родственны с семитическими, у которых с хамитическими, включающими в себя египетский, имеются бесспорные признаки родства. Следовательно, наличный абхазский язык не может теоретически не быть в родстве с египетским. Но когда переходим к самим конкретным особенностям и вообще к природе абхазского языка и сравниваем его с египетским, получается целый ряд черт как материального, так типологического порядка, которые действительно подтверждают родство абхазского с египетским, однако, родство это фактически обосновывается более по тому положению, что египетский имеет много общего вообще с яфетическими языками, в семью которых входит и абхазский, чем по линии исключительного родства египетского именно с абхазским.

Для примера беру одно и типологически и материально характерное явление: 1) египетскому свойственно префиксовое образование, имеется губн. префикс *m-*. Ему Dr. Негманн Gгаров в год начала мировой войны в актах Прусской Академии Наук посвятил специальную статью¹; и вот префиксовое образование роднит египетский не менее с яфетическими, чем с семити-

¹ Über die Wortbildungen mit einem Präfix -m im ägyptischen, Abhandl. der K. Preuss. Akad. d. Wiss., 1914. Phil.-Hist. Kl., № 5, Berlin 1914, стр. 1—33. Я не останавливаюсь на том, насколько примеры Gгаров'a далеко не всегда оправдываются яфетической палеонтологией.

ческими языками, но префикс *m-* актуальным является из яфетических языков в действующей грамматике сибилантиной ветви по обеим группам, свистящей и шипящей, в абхазском же языке разве пережиточно, в виде неосознаваемого придатка, этот префикс не дает себя знать, как не наличен он в роли действующей сейчас грамматической категории и в баскском, и возникает то большое «но», к которому приходится подходить с точки зрения более уточненного представления о внутренних взаимоотношениях языков каждой этнической среды, не только Черноморской, но и Средиземноморской. В Африке, казалось бы, чего легче: коптский язык; родственный с египетским, считать его дериватом, позднейшим его видом, и более поздним, как коптская христианская литература бесспорно более поздняя, чем египетская литература иероглифов и прилегающей древней письменности. Конечно, доступный нам по христианской литературе коптский с громадным усвоением греческих слов нельзя сравнивать по древности с египетским языком иероглифов, но вот решаюсь утверждать, что по своему основному, именно природному, слою этот коптский язык несколько не менее древний язык, чем египетский. Коптский язык перед нами встает в ореоле, наоборот, особого архаического интереса, когда мы считаемся с тем, что христианские литературы Средиземноморья открыли путь речи раскрепощавшихся народных масс, вызвали вхождение элементов языка низших народных слоев и у греков, и у латинян, в Египте же переход полностью на такую же социально тогда низкую местную речь, а социальные слои, как выяснилось, — пережитки особых племен, низшие сословия пережитки более древних племен, чем пасевшие на них. Словом, коптский язык для нас представляет в своих природных слоях, негреческих, исключительный интерес, когда мы доискиваемся соотношений черноморских западно-кавказских наличных языковых фактов с средиземномор-

скими северно-восточными в целях подойти правильно к вопросу о таких же взаимоотношениях в древнейшие эпохи. Кроме того, некоторые особенности коптского языка ему отводят место в первичной стадии развития яфетических языков, так именно преобладание глухого губного звука его датирует эпохой древнейшего слоя до-исторической топонимики Европы, куда относятся Ew-gō-ra, Al-pi, Purgene и др.¹

В числительных выражение «80-ти» словами 'четыре двадцати' выявляет у коптов такой же пережиток из до-исторических яфетических языков Средиземноморья, как то же самое у французов, а наличие звуковой группы pt, являясь указанием на близость коптского к до-эллиническому языку, в то же время по выяснившемуся его восхождению, как и одного зубного t к плавному r (отсюда восхождение pont'a к por), свидетельствует, что природный слой коптского языка в его яфетическом состоянии принадлежит к шипящей группе яфетических языков, конкретно ныне на Кавказе к мегрельскому и чанскому или лазскому. И вот коптский язык, действительно, проявляет в самих названиях чисел, не только в типологии числительных, да и в длинном ряде нарицательных слов, терминов родства и др., бесспорное сродство с мегрельским и чанским языками. Иногда эти яфетические переживания шипящей группы в коптском сохранились лучше, чем в доселе чистых яфетических языках, так 'три', по-грузински

¹ Н. Марр, Из поездки к европейским яфетидам (ЯС, III, 37); его же, Первый средиземноморской дом и его яфетические названия, у греков μέγαρα, у римлян atrium (ИАН, 1924, стр. 236); его же, Analyse nouvelle du terme Purgénées (ДАН, 1925, стр. 5—8) и Les Purgénées ou Monts Ioniens (ib., стр. 15—18). Интересны в этом отношении такие звукосоответствия коптского с яфетическими языками Кавказа, как

p- член (местном. элем.)

pē- 'тог', pi- указ.

pai- 'этот', 'это' → pei- id.

См. также ре ж. p. 'небо' ← per, но не mer (|| mar || mor ['more']) или ber ~ bes

(|| bor → bo: русск. «не-бо», «не-бе-са») → fer.

яфет.:

абх. b в ab-pi,

г., м., ч. m в г. m-is, a+m-is, м., ч. mu-shi.

звучащее sam-1, по шипящей группе должно бы звучать шом → шшш, что почти утрачено в этой непочатой форме у чанов и совершенно у мегрелов, в виду замены «ш» свистящим s, но в коптском с пережиточным суффиксом мн. числа — [u]nt ~-шг → -ц, как в баскском н-ц, первичная форма основы шом-: шом-nt¹.

Число 'десять', собственно 'десяток', как 'двадцатка', 'сотня', 'тысяча', 'десять тысяч' в яфетических языках выражается словом, означающим и 'человека', так как это племенное название, тотемное, используемое в значении 'неба', собственно 'небо — вода', отсюда с одной стороны в пучковом значении 'небо + гора + голова', с другой 'вода ← море'. Еще в первый год существования Яфетического Института на его собраниях давался обстоятельный анализ с подходом от представления 'море' → 'песок' к турецкому термину, означающему 10.000 — tuman. Тогда еще было нами указано яфетическое происхождение этого турецкого слова, с подходом от представления о 'море', отчасти с филологическими доводами, ссылкой на ванскую клинопись, на ее халдский словарный материал. Тогда же было мне указано нашим коптоведом П. В. Ернштедтом на созвучие коптского tba с турецким tuman. Теперь, после вскрытия, благодаря чувашскому генетической связи турецкого с яфетическими, дело представляется проще. И исходить ли из представления о 'море' с песком (о 'тме', см. ИРАИМК, III, стр. 271), о 'небе' со звездами, о 'голове' с волосами, или о другом предмете, образе многочисленности, данное яфетическое слово в коптском представлено так, как в грузинском заимствованное или усвоенное им из языков шипящей группы toba, по-грузински звучащее tba, т. е. буквально так же, как у коптов то же самое слово в числовом значении².

¹ Формальная звуковая сторона остается в силе, хотя палеонтология успела вскрыть составность этого слова: шом-mnt (~ *шо-шг) → шш-ш.

² Конкретное значение этого, как теперь уже выяснилось, составного по окрещению сал-банского, т. е. сал-йонского, если не сал-берского двуязычия.

Такая близость, полное тождество, коптских слов с мегрело-чанскими выступает иногда даже в глаголах, в этой позднее возникшей категории, так напр. kwt 'строить дом' — ч. kod 'строить', ч. kod-a 'стена'¹ и т. п.

По семантической типологии в коптском представляет доисторическое, именно нормами яфетических языков разъясняемое явление, что 'брат' (son) и 'сестра' (sone) выражаются одним и тем же корнем, разновидностями одного и того же корня, как в греческом (ἀδελφός, ἀδελφή), где это пережиток яфетической еще речи, как ее пережиток в латинском так же, как в албанском один корень, одна основа для выражения 'сына' и 'дочери', так как на одной стадии развития яфетических языков, разделяемой с ними отчасти еще семитическими, вообще термины родства были по корням одни и те же, шла ли речь о мужчине или женщине. Но коптский сохранил более яркий яфетизм, общий у него с абхазским, в термине 'брат' || 'сестра', это то, что корень у этих слов общий со словом 'кровь' (snoç).

На самом корне этих слов, независимо интересном для яфетических народов Средиземноморья, я сейчас не останавливаюсь, но в коптском находим и другой корень, у яфетидов означающий 'брат', равно 'сосед', 'друг', при том сванский его вид, однако со значением исключительно 'друга', как в грузинском, который его усвоил также из языка сванского типа, с той разницей, что на Кавказе яфетические языки его сохранили с префиксом me — св. me-čwbaç- || *me-čwber, г. me-gobaç, и вот основа *čwber с коптским перерождением гортанного č в шипящий «ш» и имеем в шнр 'дру'. Это та же самая основа, которая у современных армян сохранилась с префиксом a- (a-ğber → a-čfer),

ного слова требует еще окончательного установления по нормам семасиологии числительных.

¹ См. П. Мара, Synaxaire géorgien. Préface (печатается в Patrologia Orientalis).

у древних с префиксом е — (e-ǵbaur), у тех и других в значении 'брата'.

Однако такое вторжение экающей спирантной разновидности свапского типа не меняет в общем шипящей яфетической основы коптского языка. Рядом со внесением отдельных слов спирантного типа влияние спирантной ветви сказывается в коптском в том, что шипящая разновидность слов, как сейчас увидим, иногда спирантизуется, как в мегрельском и чанском. Но шипящая основа яфетического состава коптского языка остается непрерываемо господствующей так же, как в наличных представителях шипящей группы, языках мегрельском и чанском.

'Сын', по-грузински шvī-1, у народов шипящей природы, мегрелов и чанов, должен бы звучать sker-е или skir-е, с грузинской огласовкой и окончания — «1» в м. «е» — skir-1, что и есть налицо в чанском, и вот коптский сохранил при первичном именовании окончания «е» с перерождением группы sk → ш: шер-е равно шir-е 'дети', 'сын', но то же самое перерождение, наблюдаемое в зависимости от яфетического субстрата и в германских языках (sch = ш ← sq || sk), видим и у лазов, именно «трапезундских лазов», которые нынешнее чанское skir-1 произносят шir-1 в значении именно 'сына', как копты.

'Враг' по-грузински — m-ter-1 (← *mter-1): его закономерного соответствия по шипящей природе — tǵd-е в мегрельском не находим, но оно налицо в коптском с мутуацией зубного d — tǵt («tǵt-е»).

Еще более в этом отношении характерно перерождение аффриката d, на низшей ступени j, resp. «ш», в спирант ʃ, как это мы замечаем и в шипящих языках последовательно в префиксе и ← о ← *ʃо в м. d (→ d), на высшей ступени j, resp. «ш», отсюда и в соответственном слое баскского, а в чанском и в числительном 'два' jir-1 (← *шиr-1) ~ uir-1 ← uor-1. Соответственно 'собака' м,

ч. $\text{d}o\dot{g}o\dot{r}$ \searrow * $\text{h}o\dot{g}o\dot{r}$ \sim * $\text{r}o\dot{g}o\dot{r}$ \rightarrow коптск. $\text{u}ho\dot{r}$, усневшее проникнуть и в египетский (whr). Сюда и примыкает баскское $\text{ho}\dot{g}$ \rightarrow ot (\swarrow * $\text{ho}\dot{g}o\dot{r}$) 'собака'. Таким образом Шухардт фактически был прав, производя те же самые сближения и отождествления¹, но терялся идеологически, не располагая данными для правильной классификации фактов и их закономерного распределения.

Сюда же и перебойный эквивалент шипящей группы * $\text{d}i\text{h}$, что представлено богатейшей родней в черноморских яфетических языках шипящей группы и в скрещенном с этой группой армянском. Без фрикативности, именно $\text{d}i\text{h}$, налицо в одном из основных его значений 'дом' у армян, которые произносят его в одной своей части и с мутуацией — $\text{t}i\text{h}$, тогда как мегрелы с обычным для них перебоем гласного «и» в «i» сохранили его и с зубным d — $\text{d}i\text{h}-o$ 'внутри', 'внутри', в глаголах предлог 'в-', и без него, т. е. со спирантизацией $\text{h}o-$ (\leftarrow * $\text{r}i\text{h}-o$) 'внутри' \rightarrow 'в-' (в глаголах), и вот с такой же спирантизацией без утраты спиранта h и без изменения губного гласного «и», именно в виде $\text{h}i\text{ne}$ нахожим его у черноморских яфетидов черкесов в основном значении 'дом' (ср. абх. $\text{a-w}i\text{h}\dot{e}$). Эквивалент этого слова в грузинском $\text{sh}i\text{-a}$ (\rightarrow - $\text{d}o$ || $\text{d}j$ -) означает и 'дом' в смысле англ. home и 'внутри' \rightarrow 'в-'.

Конечно, у черноморских яфетических языков шипящей группы с коптским оказываются общими и другие слова, которые налицо также в египетском, как 'голова' (к. $\text{d}\omega$, ег. $\text{d}\dot{d}$), 'рука' (к. TOOT , ег. $\text{d}t$), при м., ч. dud-1 'голова', м. (и г.) tot-1 'рука' \rightarrow 'ветвь' (с аканием — $\text{d}\dot{a}\dot{d}$ у арм., да п у г. 'лапа') и т. п. Но и в этих случаях господствуют слова в разновидностях шипящего типа.

Наблюдаются, наоборот, некоторые черты родства с самим коптским и у абхазского, напр., корень b1 для выражения

¹ См. Н. Марр, *Le terme basque «udagara» 'loutre'*, ЯС, I, стр. 2—4.

'глаза': к. *bał*, абх. *a-bl-a* и др. Это, кстати, термин не иберского или тубальского племенного происхождения по спирантному типу (*bał*), как мы предполагали, а простого берского, resp. балского племенного происхождения: его эквивалент, можно сказать двойник — вторая часть двуплеменного г. *əo wal-1* → *ə-val-1*. Это г. двуплеменное слово *əo-val* → *ə-val* в том же значении 'глаза', более же древняя его форма *əo-vaŋ-e* → *ə-vaŋ-e* с палеонтологически оправданным значением 'луна', 'месяц' сохранились доньше в грузинском, но первоначально и *ə-val* (← *əowal*), означающее лишь 'глаз', некогда одинаково означало 'луну', 'месяц', откуда в грузинском глагол *ə-vala* 'спял'¹. Теперь мы еще знаем, что плавный элемент *l* || г., кажущийся последним коренным согласным и таковым действительно являющийся, с определенной эпохи во всех этих разновидностях есть функциональный согласный, показатель множественности, пережиток того или иного племенного слова и, следовательно, в некоторых разновидностях основ *bał* (коптск.) и *bl* (абх.) от чистого корня налицо лишь один согласный *b-*, с огласовкой *ba-*, и вот от этого простого первичного вида корня в значении 'глаза' п образован в абхазском глагол 'видеть' *a-ba-ŋa*, т. е. в абхазском налицо осознание слова в форме как будто более ранних эпох, чем в коптском².

Но вот и здесь вопрос, в какой степени наличный абхазский представляет конкретно ту народную речь, которая слышалась на восточном побережье Черного моря из уст его древнего на-

¹ Основа *əowal* явно воспроизводит известное племенное название *Oubal*, которое, конечно, также составное, двуплеменное, как то выявили новейшие по-чувашские наблюдения, см. Н. Марр, цит. выше статья Сухум и Туапсе.

² Обычно в анализе видов простых племенных названий мы останавливались, да и теперь останавливаемся, на звуковом комплексе, представляющем закрытый слог, — *val*, *ŋa*, *uŋ* или *ŋaŋ* и т. п., но, когда речь об абхазо-коптских взаимоотношениях, вообще абхазо-египетских, то приходится приподнимать завесу с более раннего их вида, собственно с более раннего состояния и яфетических языков.

селения, называвшегося колхами: В какой степени мы можем утверждать, что абхазы наследственно продолжают сохранять в своей речи пережиточно язык колхов, и сложился ли абхазский язык в том виде, как он теперь раскрывается в своей изумительной сложности еще у колхов или по скрещении абхазов с колхами, и где этот процесс произошел, в пределах ли нынешней Абхазии или за ее пределами? Вот очередная сейчас абхазоведная проблема, главнейшая, важная не для одних языковых явлений, а для всей этнической, да и по-этнической культуры абхазов. Вот на разрешение чего в ближайшие годы должно быть направлено все внимание и краеведов, общающихся повседневно с материалами Абхазии и смежных стран, и специалистов, работающих без такого непосредственного контакта с памятниками-первоисточниками.

А пока что, одно из достижений яфетического языкознания по абхазскому вопросу это то, что абхазский язык, а вместе с языком, очевидно, природно и по наследству говорящий на этом языке абхазский народ, представляют сложный тип гибрида, в котором скрестились два слоя коренного его состава из двух различных ветвей яфетической семьи языков.

Один коренной слой спирантный, который роднит его со спирантным слоем сваиского языка, также со спирантным слоем яфетического субстрата, собственно пережиточного субстрата армянского языка¹, преимущественно древне-литературного языка армян, и вообще с языками спирантной природы, отложившимися в значительной мере в северо-кавказских яфетических языках.

¹ Надо учесть, что со времени прочтения доклада выяснилось, что индоевропейские языки выработались из яфетических, так называемая индоевропейская семья языков лишь позднейшая трансформация яфетической, а не особо расовое явление (ДАН, 1924 стр. 6—7), и, следовательно, всякий нетрансформирванный элемент в индоевропейских языках, совершенных или недоработанных — есть пережиток, а не чуждое нечто.

Другой коренной слой — сибилантной ветви, именно из той свистящей ее группы, к которой принадлежит из наличных языков главной своей основой грузинский язык. Отсюда, абберрация, заключающаяся в том, что все сродные с грузинским явления языка и быта Абхазии без разбора возводятся к грузинскому языку или быту. Действительный вклад конкретного грузинского языка в абхазскую речь, конечно, имеется, как и обратно, абхазского языка в грузинский, об этом говорилось неоднократно. Частично соответственный материал приводился и в печати. Но и по отвлечению бесспорных грузинских элементов, абхазский язык остается в особо близком родстве с грузинским благодаря целому коренному слою свистящему. Благодаря именно этому свистящему слою абхазский отделяется в значительной мере от братски родственной с ним черкесо (адигео)-кабардинской группы языков. Отсюда тот факт, что абхазский язык занимает совершенно исключительное положение, как внутренний лфетический гибридный тип, среди всех лфетических языков Кавказа. Имея одновременно ближайшую связь и с северо-кавказскими, и южно-кавказскими наличными языками, абхазский в целом выделяется в одиночный тип рядом со сванским языком, также одиночным типом, с той однако-особенностью, что сванский язык в основе не спирантно-свистящее, а спирантно-шипящее скрещенное образование. При этом бросается в глаза, что абхазский язык скрещен со свистящей группой, принадлежащий к которой грузинский язык и сейчас отрезан от абхазского населения, а в древности еще более был отделен от него этнографически-территориально мегрельским населением, а сванский язык, соседний и ныне отнюдь не меньше с грузинским, чем с мегрельским, особенно в Цхенисхальской своей части, оказывается основным образом скрещенным только с шипящей группой, к которой принадлежат мегрельский и чанский (лазский) языки. Более того, сванский язык во многих слу-

чаях стоит ближе к территориально совершенно разлученному с ним чанскому (лазскому) языку, чем к соседящему с ним мегрельскому, подвергнутому сильному грузинскому влиянию, от которого чанский язык в такой мере безусловно свободен.

Грузинский язык и территориально врезывается между мегрельским и чанским, образуя клин ныне и этнографически своей областью Гурией. Само название Gur-ia сохранило свою догрузинскую форму. Гурия внесла в грузинскую речь своего населения ряд чанизмов или мегрелизмов, но этот грузинский язык, так называемый гурийский говор, все-таки разбил сплошное население из племен, говоривших на многочисленных наречиях шипящей группы, на две части. Началось ли по Черноморскому побережью с самого юга или лишь с юго-востока, это сплошное население с языком шипящего типа занимало непрерывно, не исключая и Гурию, восточную сторону Понта, но до какого предела? До Абхазии ли? Это кардинальный вопрос по этнографии Кавказа, имеющий не малое значение и для освещения того этнического переплета, который занимает умы многочисленных ученых всего мира, как один из главных источников этногонии, т. е. возникновения новых типов не только племенных, но и языковых в восточной и даже средней или северной Европе, здесь начиная с германского и кончая венгерским. Ведь привлечение к нашему исследовательскому делу и языка угро-финской семьи нас уже не смущает, раз чувашский язык своими яфетическими переживаниями перебрасывает прочный мост к родству двух типологически давно сближаемых друг с другом групп: турецкой и угро-финской. Намечается уже такое разрешение: обе эти группы представляют дальнейшее развитие яфетических языков, как выделившиеся еще в период их совершенного агглютинативного состояния из яфетической речи, в них языковый тип более древний и долженствующий быть, естественно, более

близким к яфетическим языкам в их более древней формации¹. И вот вопрос о том, доходили ли племена мегрело-чанской речи, т. е. племена, говорящие на языках шипящей группы, до Абхазии с населением и тогда того же сложного состава, как в исторические эпохи, с момента появления абхазского имени в исторических анналах, или сюда позднее проникла эта сложная абхазская речь, конечно, еще раньше существовавшая, а по типологии коренного своего слоя значительно более древняя, чем мегрельский и чанский, равно грузинский языки.

У нас, думаю, есть, что ответить, хотя бы пока в виде ближайшей рабочей гипотезы.

Во-первых, шипящей группе, по всем вероятностям, принадлежал скифский язык, родной яфетический язык скифов. Следовательно, абхазы одно время также врезывались клином между племенными языками шипящей группы, деля их тогда на южных колхов, позднее иберов или гуров, и на северных скифов, т. е. деля первоначально все чисто скифские, следовательно, племена, как теперь грузинский клин отделяет чанов или лазов от ближайше с ними родственных мегрелов или гуров. Не буду останавливаться на технической стороне тождества терминов «гур» и «ивер», как вообще на вопросе если не возможно более близкой связи и этнически скифов с иберами или, что тоже, как выяснил наш молодой яфетидолог А. Н. Гепко, кимерами, заклетыми врагами скифов, то о постоянном их тесном общении².

¹ За последние месяцы, особенно после вторичной поездки (лето 1925) к чувашам и вообще в Приволжье, финские языки, не исключая суоми, конкретно вошли в круг яфетидологических работ и дали возможность уточнить здесь положение их, собственно их яфетических прообразов, среди яфетических. Здесь также наблюдается деление на группы окающую (куда относится суоми, обычно называемый финским) и окающую (куда коми или зырянский, равно удмуртский или вятский и др.), да и окающую, хотя бы по скрещению.

² За последние месяцы окончательно установилось, что термины «скиф», «кимер» и «ивер» в своей лишь, казалось бы, оформленности (суфф. -за, преф.

Но факт тот, во-вторых, и на этом я продолжаю настаивать, думаю, с основанием, что с названием скифов, которые себя именовали сколотами, отождествляется племенное название колх (или когоц), эта лишь спирантная или точнее спирантизованная разновидность skolot'a; эта спирантизованная разновидность племенного названия в более близком к первоначальному виду skolot' обличье звучала kolot и kolt (→ koyt), каковые формы обе сохранились и с изменением и непочато в качестве нарицательных слов, означающих 'золото' и другие сродные понятия, как на южном Кавказе, у грузин и армян¹, так на севере у германцев, и, повидимому, также у русских, у последних в древности в принимаемом, повидимому, за искажение превосходном различении в летописях «колоти» в значении «злати»².

Таким образом, скифы первоначально соседствовали с юга непосредственно со скифскими же племенами, колотами или колхами, говорившими, следовательно, одинаково на различных наречиях или языках шипящей группы, к которой абхазы, разумеется, никак не могут быть отнесены своей речью в целом и общем, несмотря на присутствие в ней многих элементов шипящей группы.

В-третьих, со скифами непрестанно переплетаются везде кимеры или иберы, они же тубалы или тибарены, везде, а не на одном северном или восточном Черноморском побережье, и с до-исторических эпох, а не с VII лишь века до-христианской эры, эпизода военных столкновений кимеров со скифами. То же

-ki ↘ i-) — пережитки двуплеменных слов: *sku -dan, *sku-mer (см. выше, стр. 124) и «ибер» с разновидностью «кимер» в первой своей части содержат одно и то же с термином «скиф» племенное название: skol, resp. skul → sku (→ ши, resp. su- ↗ tu- || → tu-) ~ *hku ~ ki- ↘ i-.

¹ Н. Марр, Термин «ские» (ЯС, I, стр. 67 — 192); его же, Об яфетической теории (НВ, 1924, стр. 303 — 334).

² По вопросу подготавливается заметка, где будет речь и о русском «скот» и др.

самое сплетение скифов с иберами наблюдаем, судя по топонимике и языковым соотношениям, в частности, по особенностям коптского, и в Египте. Специально в Абхазии с кимерским или иберским племенным образованием связаны наиболее выдающиеся названия населенных пунктов. Ведь чистая, казалось, основа тубалов (так называемая сибиллянтная разновидность), на самом деле усеченный вид двуплеменного термина¹, есть нехарактеризованно tub, характериз. $\dot{t}um$, на низшей ступени шум, двойники полного по виду названия кимеров или иберов (спирантизованная разновидность), усеченно — km, и архетины их для сибиллянтной разновидности — tom ($\leftarrow \dot{t}om$), для спирантной — kom. Акающую форму этой основы в полном виде и сохраняет грецизованный термин kamaq-it, название племени, населявшего в исторические времена Абхазию, севернее Сухума².

Но сибиллянтный прототип усеченного вида tom \rightarrow tum это одна из трех огласовочных разновидностей, нехарактеризованно — tam || tom || tem, характеризованно — $\dot{t}am$ || $\dot{t}um$ || tem, resp. tem, на низшей ступени sam || шум, однако, все эти разновидности позднейшие с утратой как будто 2 коренного, собственно части разложившегося составного звука $\dot{t}m$ и, напр., tum восходит к прототипу $\dot{t}qum$ ($\leftarrow \dot{t}kum \nearrow \dot{t}kub$), в яфетическом аффрикатном произношении шипящего типа — $\dot{t}qum$ (архет. * $\dot{t}um$). И вот то в позднейшей, то в первичной разновидности все эти слова до-исторически вросли в топонимику Закавказья от Черноморского побережья до первоначальной территории сванов на верховьях Энгура. Цхенис-цхали или Цхррос'а и даже Рпона, и равно в роли нарицательных имен в сванской речи³, в частности в топонимику

¹ См. выше, стр. 123—125 в предисловии, 142.

² Н. Марр, лит. выше статья Сухум и Туапсе.

³ Из нарицательных значений интерес представляет грамматический 'голова', см. Н. Марр, Подobie к лекциям по практ. изуч. жив. груз. яз., § 12. (Изв. Инст. Жив. Вост. Язык. № 8), стр. 20.

Абхазии, так даже племенное название *taṃ* отложилось в названии большого абхазского селения *Θαῆ-ἄθι*. Но исключительное значение представляет для Закавказья, в частности, для Абхазии, разновидность *ḡḡiṣ*, первоначальная форма названия Сухума, племенное название, равно название племенного божества, тотема, нарицательно означавшее не только 'близнецы' (отсюда г. *tḡur* → *tḡub*), но, как теперь выясняет палеонтология яфетических языков, и 'братья', т. е. термин материально свидетельствует о том, что Сухум именно есть Диоскурия или Диоскуриада, как то доказывал И. А. Орбели, и в роли названия это слово не менее древнее, чем Диоскурия и в том случае, если последнее название, как то вероятно, также местного происхождения.

Наконец, сама абхазская речь дает нам терминами первостепенной важности необлужное указание, откуда явились абхазы в своем исторически уже сложившемся окончательном виде, как приблизительно в таком окончательно сложившемся виде клином врезалась между чанами или лазами и мегрелами грузинская речь гурийцев.

Если возьмем название 'лошади', игравшее, несомненно, громадную роль у скифских племен и культово, то абхазское название *iaṣ*- с префиксом — «а-» и окончанием «-а» — *a-iaṣ-a*, и многочисленные его разновидности, не исключая и русского «лошадь» и немецкого *Ross* (← **ḡros*), тянут нас на север. На севере мы находим не одни эти разновидности. Русские термины «лошадь», «лошак» даже не разновидности, так как их основа *loṣ* есть прототип, к которому восходит абхазская основа *iaṣ*, пройдя промежуточные стадии развития, именно и раздвоенные **iaṣiṣ*, откуда г. *iaṣiṣ-a*, и затем утрату *w* с удлинением гласного *a-iaṣiṣ*, как то прослежено у сванов в названии реки — 'Лошадн' — «Цхенис-цхалв», по-гречески Ἰππος.

В работе «Из абхазо-русских этнических связей»¹, эти материалы подробно излагаются и приводится отмечавшаяся и раньше уже чисто абхазская форма а-лаша у вогулов на крайнем севере. Теперь же точно по мосткам, от абхазов до крайнего севера на Волге, мы можем проследить природное пребывание этого термина через Сванню, затем Осетинию («алаша»), Дагестан, где авары его произносят «алаҭа», затем татарскую речь казанского района и, наконец, у чувашей лаша → лаја. Службу связи перерыву между верхне-волжскими народностями и прикаспийским югом исправляет река Волга своим древним названием того же происхождения Rha: древность этого названия Rha датруется эпохой существования здесь этрусков или пеласгов, тотемным словом которых является этот термин в различных разновидностях. Это же на западе в Греции пеласги, в Италии — этруски, которые сами себя называли «расеями» (Ras + en-a), а на востоке в сегодняшней наличности — северо-кавказский многоплеменный народ «лазг» или «лезгин».

Однако, абхазская основа интересующего нас термина лаш восходит по форме, как было сказано (стр. 149), к индийской группе, к скифской, следовательно, племенной речи; вместе с рядом слов того же порядка, типичным представителем которого она является, ее могли усвоить себе абхазы и на западе, непосредственно общаясь со скифами или колхами. Этому мешало бы лишь то, что весь северно-кавказский район и все Поволжье это слово в значении 'лошадь' знают в форме дальнейшего абхазского развития, тогда как чисто скифское его оформление лош, еще первичнее гош сохраняют в своей передаче русский и германский языки.

¹ Н. Марр, «Термины из абхазо-русских этнических связей». «Лошадь» и «Тризна». (К вопросу о племенном составе до-исторического населения Средиземноморья). Изд. Наркомпроса Абхазии. Ленинград 1924.

Дело в том, что как то указывает огласовка того же слова в названии реки Волги — Rha, переносившегося в древности и на Дон, абхазская разновидность с огласовкой «а» в обсуждаемом районе характеризует восточных соседей скифов — сарматов.

И как у грузин с сарматами, относимыми по звуковому облику их названия одинаково к свистящей группе, тождественная природа речи и сарматский тотемный бог в его составной форме sag-mat / sag-maθ, так у абхазов в основе родной речи один коренной слой той же сарматской, именно свистящей, природы, и у них же главный 'бог', также сарматский, тотемный 'бог', но в простой форме без суффикса (налеонтологически также племенного названия || слова) -mat, именно θag с префиксом i-θag, по-абхазски с неопределенным членом а-уθag. Префикс i- формы i-θag равнозначущ мегрело-чанскому префиксу о- → и-, и в западной Грузии это параллельная мегрелочанская форма О-θag еще в прошлом столетии продолжала быть популярной по традиции у князей и дворян гурийских, мегрельских и сванских, очевидно, как пережиток теофорного, т. е. богоносного имени.

Сама основа абхазского слова точно так же наблюдается давно в значении бога у соседей мегрелов (ap-θag-i), но прослеживается она и по линии распространения абхазского слова a-lash-a 'лошадь', по северному Кавказу, в этот раз у хевсуров (окающая с префиксом а-: ap-a+θag), с заходом в Азербайджан и опять так по Волге у чувашей. В Азербайджане она вскрыта в XIX в. в глубоких народных слоях, где ее не смыли господствовавшие здесь государственные религии, ни маздеизм, ни отчасти христианство, ни ислам, — вскрыта в форме θагы¹. На северном Кавказе и у болгар-чувашей она появляется и с перегласовкой не только окающей, но и экающей — θег. У чувашей, где именно с окающей

¹ Н. Марр, Краеведение, изд. Ассод. Горск. Краев. Организ. Сев. Кавк., Ленинград 1925, стр. 10.

огласовкой (ḡog-ə → ḡur-ə) и употребляется в значении 'бога', означавшего «небо» (собственно «небо-вода»), тогда как с ослаблением окания (a-ḡəl) она сохранилась в нарицательном значении 'вода + река'. Интересно оформление экающей формы основы *ter*, resp. *ter* у аваров Дагестана в слове 'бог' — *be-tër-hân*, как в *beḡed* 'бог', другом также тотемном боге у тех же аваров, с префиксом *be-*, разновидностью префикса *re-* (↘ *me-*), что, между прочим, палицо в племенном названии *re-las + g*, и с суффиксом *-hân* (↙ *-ḡan*).

Без префикса *tu* же форму *ter* нам сохранили не подававшиеся толкованию ученых неславянские имена в списке болгарских князей, оказавшиеся сплошь яфетическими: это теоформное, очевидно, имя *Ter-bel*, составленное как г. *ḡur-bel* 'облако', букв. 'дети неба', и др. из основы *ter* 'бог', 'небо' и окончания *-bel*, как слова, означающего 'дети', т. е. *Ter-bel* типологически построен как все пережиточные у различных индо-европейских народов яфетические имена героев, напр., *Her-cul-es*, букв. 'дети неба' (→ 'бога') и т. п. Перерыв между северным Кавказом и прикаспийским районом с одной стороны и северными народами Волги с другой, в употреблении этого тотемного бога, племенного названия сарматов, собственно саров (саров), восполняется опять таки рекой, в архаические времена именовавшейся *Rha*, в названии которой в позднейшие эпохи разновидности имени этого же тотемного сарматского бога (*I-til* || *A-tal-a*, чув. *A-ḡəl*)¹ борятся с болгарским племенным названием, также тотемом — *Vol-ga* (↗ *Vol-ga*)².

Мы переносимся как будто целиком в этногонии европейского Востока в средние века, но надо иметь в виду, что наш *ḡar*

¹ Н. Марр, Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий, ИАН 1925, стр. 10.

² Н. Марр, Отчет о поездке к восточно-европейским яфетидам (Прилож. к Проток. ОИФ, 1925), стр. 15—29.

(1-гаг и т. п.) имеет давность богинь — Месопотамской (I-htar), этрусской (Tug-an) и, как мы видели, египетского бога (Tog), равно племенного названия первоначального населения на Аппенинском и Балканском полуостровах (I-tal, Θε-tal), как Волга, полпая форма Vol-gar ↙ Vol-gar есть с придатком окончания -gar, в яфет. произношении -gar 'дети', по основной части vol- ↘ bol-, разновидность 1-ber'a, племенного названия не только известного древне-кавказского народа, но и первоначального населения Пиренейского полуострова и Западной вообще Европы, прежде всего до-исторической Галлии.

Что касается до интересующего нас конкретно территориального района, из показаний древних писателей, главным образом Страбона, видно, что сарматы занимали северный Кавказ, соприкасаясь в это позднее время на юге с иберами, изучение же кавказской топонимики нам открывает поразительную картину распределения Закавказья между сарматскими и иными племенами. Как на севере в общем сарматы со скифами, отложившими свое имя в Кубани (← *sku-man), находились территориально в отношении восточного народа к западному, так на Кавказском юге, в Закавказье, сарматы оказались основным слоем восточных племенных образований — Албании, Азербайджана, Грузии, именно θαρδνελ'ов, и Армении, тогда как на западе Закавказья имеем скифов в виде колхов или переплетающихся с ними иберов, и вот, в эту иберо-или кимеро-скифскую или, что тоже, тамо-скифскую этническую массу мы видим заброшенным племенное образование абхазское, с сарматским по речи слоем в составе, в Закавказье представляющее и по местоположению в западной его части не менее исключительное, одинокое явление, чем по архаизму и по резко выраженной двуприродности строя своей речи, абхазской речи. По характеру двух разноприродных слоев этой речи, спирантной и свистящей, пле-

менное образование могло бы по праву называться не скифо-сарматами, а кимеро- или иберо-сарматами, а, если воспринять одну из усеченных сибиллянтных разновидностей термина ки-мер || и-бер, именно *ta-m* (в полной форме — **ta-mar*) и наличную в абхазской речи со значением главного тотемного бога (*a-yd̄ar̄*) форму *sarmat'a* также без конечной части, здесь уже цельного племенного названия *-mat*, но с префиксом *1-* (*1+dar*), первично *o-* (→ *u-*); то это племенное образование следовало бы именовать *Tam-odar*.

Наличное название абхазов, в первоначальном его виде *a-bas-k*, по абх. *a-φs-wā*, в своей чистой основе *bas* || **buš* ↘ *φs* воспроизводит простое берское племенное название (*1-ber*) с соблюдением так называемого чувашского закона соответствия *г ~ ш* (→ *s*) || *s* и т. д., отвечая таким образом на реальность, иберский коренной слой, собственно берский, абхазской речи. Реальное разъяснение этого термина находится в связи со сложным вопросом о коренных слоях и наслоениях в яфетических языках одноименных с абхазами с одной стороны басков на Пиренеях, с их таким же сложным отношением к пиренейским и-берам, с другой стороны до-арийских армян, именно *hai'kov* или **pask'ov* (← *Pas-kam*) у Ванского озера с их также отношениями к кавказским и-берам¹.

Дальнейшее уточнение анализа абхазского языка, сложившегося, по всей видимости, в основных своих слоях на северном Кавказе, представляет несомненный интерес не только для истории кавказских народов, но и для этнографии все-европей-

¹ Если бы я мог держаться историзма, я был бы вынужден при вскрывающихся фактах решительно связать эти этнические образования берского состава на восточном и южном побережьях Черного моря и особенно в Армении с вторжением кимеров в Малую Азию, т. е. датировать возникновение их VII-ым веком до Р. Х., но независимо от того, что нахождение [басков ||] мушков у Ванских озер свидетельствуется также исторически за четыре столетия раньше, сложность первоначального этнического насыщения всей Афреазии нас отвращает от использования всех подобных исторических дат при решении этнологических проблем.

ского значения, в частности и той, которая происходила на юге России и в древнейшие эпохи, и в средние века. Без этого уточнения исследования абхазской речи нам не работать над вопросом о колхо-египетском родстве, в более правильной конкретной постановке — не египто-колхском, а копто-колхском или копто-чанском (лазском), равно копто-мегрельском родстве.

Без того же уточненного анализа абхазской речи нам не разъяснить ни болгарского, ни хазарского, ни других сродных вопросов, следовательно, в первую очередь и русского. В частности, с вопросом о возникновении абхазского народа и наличного абхазского языка несомненно находится в тесной связи вопрос тмутараканский, как реально, так терминологически. Последний мне известный наиболее обстоятельно разработанный трактат «Что такое Тмутаракань?», посвященный вопросу о происхождении самого названия покойным туркологом В. Д. Смирновым¹, несмотря на ряд остроумных и интересных сопоставлений и массу усилий, страдает той же нереальностью постановки вопроса в целом, что и известная его работа о слове «челеби». Под термин, глубоко сидящий в быту, в поэзии, можно сказать в эпосе, вообще в племенной жизни целого ряда народов Востока, подводится греческое слово. Даже, когда речь о «тархане», и совершенно основательно В. Д. Смирнов в корне отрицает возможность турецкого его объяснения, он свое отношение все так же формулирует так: «В данном случае, когда дело идет о фактах VIII столетия по Р. Х., не могло быть и речи о каком-то татарском, а тем менее монгольском титуле или имени «тархан»: здесь несомненно надо обратиться к тому же источнику, откуда произошло имя Тмутаракань, т. е. источнику греческому». И куда же нас это ведет? К произведению племенного названия,

¹ ВВ, XXIII, стр. 15—73.

турок от предполагаемого исковерканного византийского чиновничьего звания. Мы здесь попадаем буквально в тот обще-европейский мир мышления, который навязывал учебным название термина «Азербайджан», оказавшееся этническим по происхождению, возводить к имени перса сатрапа, ставленника Александра Македонского¹. Вот в точности формулировка мысли В. Д. Смирнова о термине «тархан» его же словами²: «Этот титул, будучи греческого корня, с течением времени отатарился, встретившись в особенности в эпоху Тамерлана, с настоящим турецким словом Тархан, служившим собственным именем одного из многочисленных турецких племен Средней Азии». Однако, «настоящее турецкое слово», когда оно племенное название, никак нельзя различить с термином социального значения, каковым слово являлось у монголов, у которых слово означало и 'кузнеца' как культовый термин, он же тотемное выражение, 'бог', первоначально 'небо', что и устанавливается за его основой словом *tor-ə*, между прочим, в чувашском, где сам наш социальный термин звучит *torğan*. А главное то, что это слово и с окончанием мн. числа, также племенное название, равно племенное божество, впоследствии и полубог, эпический герой, независимо от вхождения в виде *tar-qa* в состав *Tam-o-tarqa*, в полном виде *Tar-qa* или *Tar-qan*, как уже основательно указывалось в печати еще 12 лет тому назад³, нас заносит не только в Среднюю Азию и в турецко-монгольское средне-

¹ Н. Марр, Кравеждение, стр. 9—10.

² Ц. с., стр. 45.

³ И. А. Джавахов, К вопросу о времени построения грузинского храма в Атене по вновь обследованным эпиграфическим памятникам (ХВ, I, стр. 296—297). Правда, сам автор, при существовавшей стадии развития лѐтидологии, естественно старался устранить зависимость термина «*tar-qan*» из надписи IX в. от имени *tarqa*, имени встречающегося среди хазар», как В. Д. Смирнов отгораживает при-черноморский *tarqa* VI в. от среднеазиатского созвучного слова, но это понятно: при существовавшей тогда стадии развития лѐтидологии осторожный исследователь не мог и думать об их связи, об общем источнике.

вековье, но и в архаический средиземноморский мир, в Малую и вообще Переднюю Азию и далее в Италию, здесь древнее этрусков VIII—IX века до-христианской эры.

Пора бы было и раньше копнуть с этими фетишами, грекоманиею или прапоманиею, особенно же византинистическим разъяснением Востока востоковедом, когда реальность требовала и еще требует «востоковедного» разъяснения Византии не только исторической, но и этнографической объединенными силами и востоковедов и специалистов по Западу. Теперь же, когда и славянские, и турецкие племенные образования, последние благодаря открытию яфетидов в чувашах, генетически сближены, вернее связаны, с той же общеевропейской до-исторической семьей, т. е. яфетической, о таких хитросплетенных заносно-эллинистических толкованиях неразъясненных живых бытовых элементов в племенной и социальной номенклатуре славянской и турецкой речи, думаю, можно бы и не говорить вовсе. Да в том и нет надобности. Пока яфетидология не только не исчерпана, но непочтита в трактовке этого рода вопросов.

Подобно долго не поддававшимся разъяснению слову «челеби», к которому мы теперь благодаря хетским данным имеем возможность вернуться в липпе уточнения наших давно высказанных мыслей¹, входящие в «Тмутаракань» слова яфетические, это племенные названия, и, естественно, тотемные термины, в связи с этим впоследствии и социальные (речь о званьи «тархан»). В целости «Тмутаракань» и «Таматарха», это две языковые разновидности одного и того же составного термина, если бы перевести их привычными нам терминами, гласила бы одинаково «кимеро-» или «пберо-сармат», но это было бы не совсем точно, в точности они гласили бы «ким^Гер¹-сар» или «пб^Гер¹-сар»,

¹ Н. Марр, Еще о слове «Челеби». К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии (ЗВО, т. XX, стр. 99—150).

т. е. гласили бы так, как мы вынуждались назвать абхазский язык в результате установления его двуязычного состава и этнической среды его окончательного оформления. И в применении к абхамам для «ибер-сара» мы получали вариант tam-о-аг, т. е. хорошо известный и тем не менее всех нас ставивший в тупик термин Tamotar-қа без окончания қа (← қап).

Вторая часть термина Тмутаракань или Тамотарха, это в простой форме tarakan || tarқа, с префиксом же u-tarakan или o-tar-қа, в праформе o-аг-қап, т. е. разновидность теперь уже известного нам племенного названия и в то же время тотема-божества, с суффиксом -қап, как в аварском be-ter-қап, где префикс be- одного рода с re- в re-las-g'e, вместо префикса o- → u-, наличного и в упоминавшемся уже теоформном кавказском имени O-аг и равнозначущего префикса i- в сохранившейся абхазами форме i-аг, основы их слова a-yāg (← a-i + āg) 'бог'.

О первой части того же географического термина «Тмутаракань» = Tamotarқа, сначала племенного названия, теперь спорить не приходится: в полной форме целый ряд по трем групповым огласовкам это tam || tom. → tum || tem. Таман, конечно, или мн. число его акающей разновидности (*Ta + m-an-e), с попским племенным словом (-an / -қап) в роли признака мн. числа, или разновидность полной его формы (ta-man). С огласовкой «о» его дает Феофан в выражении εις Τομήν. С огласовкой «е», то в полной форме temig (~ *temur), то с усечением завершающего слога -иг (~ ig), легко принимаемого за окончание мн. числа, мы имеем его в составе одного из современных нам племенных названий того же района Tem + ig-goу или Tem-goу. Древне-русское начертание Тмутаракан в самом нашем термине подсказывает форму с огласовкой «е» — *Tem-utara-kan рядом также с архетипной формой *Tom-utara-kan.

Литературные языки окружения не передают тех же основ

с характеризованным зубным *t*- в *tam* вм. *tam*, *t* в *tum* вм. *tom* и т. д., но представитель *tam* на низшей ступени *sam*-, весьма распространенный вид этого слова в яфетических языках, сохранен в названии Тмутаракани еврейским *sam-kaq-ḏ*, арабским *sam-kaq-š*. Появление *kaq* вм. *tar* во второй части сохраненного арабским и еврейским источниками варианта есть лишь закономерный спиральный эквивалент сибилитного *tar*, первоначально *tar*.

Групповая перегласовка *a* || *o* → *u* || *e* присуща и этому спиральному эквиваленту того же корня, именно *kaq* || *koq* → *kuq* || *keq*, отсюда, как мы уже указывали в введении, полная закономерность и притом одинаковая древность трех форм названия Керчи: *Каг-ḏ* || *Ког-ḏev* || *Ког-ḏem* || *Кег-ḏ*. Это глубочайшее заблуждение, когда время возникновения таких разновидностей определяют временем появления их в литературе, и потому, напр., форме *Кег-ḏ*, кимерской, отказывают в древности, в существовании даже в XI веке или до появления «татар». Если говорить о действительной хронологии, основа *koq* (наравне с *kaq* и *keq*), как мы видели, позднейший спирантизованный вид архетипа **skor-* → *skur*.

Яфетической сравнительной грамматикой и палеонтологией разъясняются все остальные разновидности самого составного термина, как то *Тѹаѹарѹа* в *Notitia episcopatium*¹ и др.

Чистая основа термина, представленная евр. и арабск. разновидностями, именно *sam-kaq*, сохранилась в виде *sam-kuar* || *sam-kaq* и т. п. у сванов в значении 'святыни', 'храма', 'церкви', 'алтаря', 'чудотворной иконы', первоначально, очевидно, племенного самкарского или таматарского тотема-бога.

В успевшем печатно появиться лишь в 1922 г. «Извлечениях из свано-русского словаря», повидимому, не без основания писалось мною, что *samkaq* и родственные с ним сванские слова «куль-

¹ Изд. de Boor (Z. f. Kirchengeschichte, XII, стр. 319).

товые термины, происходящие от прикрывающих собою какое-то местное языческое божество». Теперь ясно, что и слово само до-христианское, которое удастся выследить и у других народов Кавказа:

С вопросом о происхождении культового термина, первоначально тотема-бога гибридного по составу племени sam-kaq или tam-o+taq-ǵ, связаны и генетически, и методологически поучительные, если не сказать изумительно-наглядные, случаи перерождения языческого божества в христианское, или, пожалуй, будет правильнее сказать обратно — перерождение христианского святого в народно-культовое существо, от язычества наследованное божество. При том и при другом восприятии явления, процесс перерождения состоял в адаптации, приспособлении звукового состава названия вновь вводившегося социально торжествовавшим христианством предмета поклонения к звуковому составу прежнего привычного названия издревле народно-известной святины, понятно, языческой.

Один такой случай имеем с термином 'архангел', по-грузински m+ǵavaq-angel-oz. Из Грузии распространялось христианство в горной полосе сванов и осетин, у которых христианский термин m-ǵavaq-angeloz претворился у одних, осетин, в Ǫarandǵal-os, а у других, сванов, в ǵāringzel и многочисленные его разновидности, как-то ǵarǵngzel, ǵarǵzel, ǵāngǵel, ǵāngǵel, казалось бы, все дальнейшие случайные искажения. На самом деле каждый шаг отхода от христианского архетипа, грузинского слова m+ǵavaq-angeloz, приближал к языческому термину, также составному, но из совершенно иных слов, названий народно-известного важнейшего языческого бога. Эти отдельные, народные названия, во-первых, ǵar-, во-вторых, ǵel. Языческое божество ǵar, в различных оформлениях, прослеживается, как мы видели, от абхазов у Черноморья до чувашей на Волге, при чем

именно в промежутке между абхазами и хевсурами, казалось бы, утратили его и чистые яфетиды, сваны, и индо-европеизовавшиеся осетины, на самом деле они укрыли его путем адаптации в христианском термине, грузинском названии архангела; что касается языческого божества *ḍel*, оно повывне живо у самих сванов, в виде богини *Da|* и у соседящих с осетинами чеченцев в виде *De|*, означающего 'бог'. Таким образом, пока языческое просвещение господствовало в этих странах, сваны и осетины составной термин воспринимали, соответственно по своему расчленяя его (*ḍār + g-ḍel* || *ḍar|ḍel* → *ḍār-ḍel* и т. п., *ḍar + an-ḍāl*), как название своего родного божества.

То же самое произошло с именами архангелов, Михаилом и Гавриилом, или, наоборот, с составным народным названием языческой святыни, языческого божества, по-осетински звучащим *Mə + qalə-gäbər-ḍä*, а по-мегрельски—*Mi + qam-gar-jo*. Случай методологически поучителен в том отношении, что, толкуя осетинское *Məqalə-gäbər-ḍä*, В. Ф. Миллер, руководимый русской звуковой орпенташеной, в первой части *məqalə* усмотрел Миколу или Микулу вместо Николая, а Н. Я. Марр, отнесшийся к этому отождествлению с полным основанием отрицательно, сам впал в ту же ошибку, тогда незаметно для себя оказавшись под влиянием преувеличенного восприятия значения христианской культуры, и не только в *Məqalə*, первой части осетинского *Məqalə-gäbər-ḍä*, но и в слове *Miqam*, первой части мегрельского *Miqam-gar|o*, признал имя архангела Михаила, а в обеих частях по совокупности имена архангелов Михаила и Гавриила, и фонетически это ему удалось, увы, вполне обосновать¹. Между тем в обоих случаях, и в осетинском, и в мегрельском начальный слог *m|* → *m^Гə^Г* есть обычный яфетический пре-

¹ *Ossetica-Japhetica*, I, ИАН, 1918, стр. 2072—2073.

фикс, функционально эквивалент префиксов *re-*, *o-* (\rightarrow *u-*), *i-* и т. п., а палеонтологически пережиток племенного слова *mir*, *resp. reg*, и является этот начальный слог и здесь в роли функционального придатка, префикса или племенного названия, в таком случае результата третичного скрещения, и без него чистые основы в осетинском *qalə-gabər* с осетинским окончанием множ. ч. — *ǰä*, в мегрельском *qam-gar* с мегрельским суффиксом *-io* представляют составные племенные названия, соответственные тотемные божества, именно *qalə ← gar* (\leftarrow *kar*), это спирантная разновидность первого племенного названия составного термина «Сармата», а *qam ← gab* — усеченный вид также составного двухплеменного *gä-bər* (\swarrow **ga-mir*), разновидности *i-bər'a*, одинаково с ним спирантных разновидностей, с тем формальным расхождением этих двух народных разновидностей *M1 + qam-gar + i-o* и *Mə + qalə-gäbər + ǰä* самого составного термина, собственно их основ (*-qamgar-* и *-qalə-gäbər-*), что тотемные слова, племенные названия, кажущиеся одинаково простыми по давности их употребления, при сложении расположены в мегрельском в порядке ибер-сара (*qam-gar-*), как в *Tam-otar'e* || *T'ə'm-utar-'e*, а в осетинском в порядке сар-пбера (*qalə-gar*), как также в разобранном уже нами *Kor + ko-dam'e*. Ясное дело, что чистая мегрельская основа этого гибридно-племенного культового термина *-qam-gar-* есть безукоризненно закономерная, в обеих частях выдержанно спирантная разновидность. Такая в этом отношении последовательность наблюдается в обеих частях сибилантного племенного, *resp.* географического, названия *Tam-otar* или *Təm-utar*, тогда как их же эквивалент *sam-kaq*, у евреев сохранившийся в значении племенного названия, именно названия Тамотархи или Тмутаракани, а у сванов в значении культового предмета или места, собственно племенного тотемного божества, скроен пестро, именно первая часть сибилантная — *sam*, вторая спирантная — *kaq*.

И все эти, и еще другие опускаемые мною многочисленные переливы народного термина лишь усиливают наше положение, все больше и больше свидетельствуют об исконности и значении гибридного яфетического племенного образования, в Тмутаракани славянизовавшегося, в другой среде или окружении могшего отуречиться или иранизоваться, а в Абхазии оставшегося чистым яфетическим.

Однако, еще вопрос, была-ли Тмутаракань славянизована или ославянившейся, точнее обрусевшей. А. А. Спицын нас уверяет, что «русского населения здесь нет и не может быть», что «Тмутаракань Таманская не могла быть русским княжеством». Как мы уже в самом начале упоминали, по мнению А. А. Спицына «русский князь здесь мог опираться лишь на свою дружину», но никак, мол, ни на местное население обезов. Он далее ставит вопрос, не была ли «Абхазия покоренной землей», при чем Абхазиею он называет именно Тмутаракань. Исторического вопроса о государственном образовании мы не касаемся, нас интересует этнографический процесс. На юго-востоке, несомненно, происходила трансформация яфетических племен в славянские, в частности, русские. Тмутаракань IX—XI века не могла представить исключения из этого процесса, и вопрос именно в том, какого порядка процесс тут происходил, скрещенье ли уже готового русского с языками пережиточного яфетического населения или перерождение местных яфетических племенных образований в индоевропейское русское, и в какой стадии развития находился этот процесс трансформации. Несомненно, что процесс протекал и здесь, как везде, классово, в порядке влияния господствующего слоя с индоевропейской речью на яфетическое массовое население, в этих путях могло совершаться скрещенье индоевропейского языка с яфетическим.

Во всяком случае термин *ta-m* с разновидностями, теперь

вполне разъясвившееся и фонетически и семантически слово, — в данном случае племенное название, равнозначущее полновидным терминам *ki-meg* и *1-beq*.

В то же время разновидностью этого *1-beq* является в другой лишь форме, именно без префикса *1-* и с окончанием *gar* — *Bol-gar*, окончанием, означающим 'дитя' и заменяемым любым другим суффиксом из многочисленных равнозначущих яфетических служебных слов, между прочим, и словом-окончанием *van*, почему термин *bol-van* может быть не только племенным названием, равнозначущим термину *bol-gar*, но и тотемным божеством болгар или пберов или, равным образом, там'ов, племени, входившего в состав «Тамотархи», и когда в «Слове о Полю Игореве» мы имеем совершенно естественно выражение «тмута-раканский болван», т. е. следовательно, «пберо-сарматский» или «болгаро-сарматский», точнее «пбер-сарский» или «бер-сарский» 'бог', 'идол', собственно 'болгарское тотемное божество', то, думаю, при наличии кавказского краеведческого знания, в частности абхазского, два лучших ученых специалиста начала XX века турколог проф. П. М. Мелиоранский и классик, он же востоковед, академик Ф. Е. Корин не теряли бы времени в бесконечных пререканиях касательно мнимого, для одного — турецкого, для другого — иранского происхождения термина «болван» в выражении «тмутараканский болван»¹. Вообще не возникал бы такой

¹ Термины *1-beq*, *bol-gar*, resp. *bol-gar* разновидности не только формальные, но и реальные, поскольку мы в *1-* и *-gar*, resp. *-gar* перестанем видеть лишь функциональные элементы и признаем реальное племенное значение за ними, как пережитками племенных названий (см. выше, стр. 146, 162). То же самое приходится сказать о *bol-van*, то же самое о **bol-kan* || **bul-kan*, т. е. в таком случае бер-ионском племенном названии, которое и лежит с утратой плавного *l* (|| *r*) в основе чув. *pu-gaŋ* 'кукла' (← 'истукан'). Все это существа дела в нашем вопросе не меняет, лишь подтверждает наши разъяснения, впрочем, о чув. (цит. выше) *pu-gaŋ*, «болгар» и т. п. см. печатающийся в Дебюксах доклад «Чуваши-яфетиды».

подход к тмутараканскому, русско-кавказскому вопросу ни у кого, ни еще раньше у академика турколога В. В. Радлова, который также возводил тмутараканский термин к турецкому источнику, этому средне-азиатскому миру, ни у профессора турколога В. Д. Смирнова, который первый обратил внимание на случайное, да и сомнительное, созвучие тмутараканского «болвана» с абсолютно по значению не подходящим в контексте Слова о Полку Игорева персидским *fehlevan*, заменяя турецкий мираж сплетением иранского и византийского миражей вообще в целомом генетическом вопросе о Тмутаракани.

Нашим докладом мы также мало считаем окончательно разъясненным вопрос по Тмутаракани, как по Черноморско-африканскому языковому родству, по которому лишь выдвигаем реально положение о родстве коптского ближайше с мегрело-чанскими языками, пережитками колхских или скифских наречий, вм. известного исторического свидетельства о родстве колхов с египтянами по речи и некоторым бытовым явлениям. Однако, как ни важны глоттогонические или генеалогические вопросы касательно таких ответственных или узловых районов исключительного значения, как Египет для всего архаичного Средиземноморья, как Абхазия и Тмутаракань для восточно-европейского средневековья, дело однако не в них, в этих все-таки частных вопросах. Дело в том, с чего я и начал вводную часть доклада: «Ритм и звуки это техника и материальная природа создания до-исторической общественности, звуковой человеческой речи». До-историческая общественность это племенная, а племенные образования абсолютно не однородные массивы, а производственно-классово слагавшиеся объединения или этнические образования. Как нации абсолютно не творцы всей исторической культуры, а тот или иной класс, как различные классы и сословия одной и той же нации посетили различных в реальности

культур, так племенные образования или объединения до-исторической общественности не могли еще в большей степени не представлять картины расслоения в творчестве культурных цепностей, но в одной ли области звуковой речи? В одних ли языках продукции человеческого творчества за до-историческую эпоху связаны с племенной общественностью? При выяснении филиации родства самих памятников и территориального распределения их между потребителями необходимо искать источник производства, выслеживать самих производителей, не по существующим цельным массивам этнических образований, а по племенным их слоям, как в исторические эпохи по классам нации. Памятники материальной культуры, чем художественнее, тем менее могут иметь пную историю генезиса, чем различные роды и виды человеческой речи, создания не каких либо цельных племенных массивов, а определенных племенных объединений, в частности, их различных слоев, получающих творческую силу на фоне именно этого объединения и скрещения. Не пора ли и в истории материальной культуры вообще отказаться вместе с едиными генетическими центрами от мифражей — чудодейственного творчества воображаемых цельных племенных или национальных образований? Я ставлю лишь вопрос.